

Александр Кобзев

Родился в 1963 году в деревне Вдовино Колыванского района Новосибирской области. Окончил биологический факультет Горно-Алтайского государственного университета. Работал продавцом в книжном магазине, дизайнером-верстальщиком, преподавал в школе и университете стенографию. Автор сборника «Цвет снега». Живет в селе Майма Республики Алтай.

ПОБЕДИТЕЛИ

Май сорок пятого года...

Утро началось с радости. Дети играли в салочки. Взрослые говорили, что настанет день, будут новые победы. После молитвы пятилетняя Галочка села за стол рядом с мамой.

— Мама! Этот глупый Гитлер! Неужели он не понимает, что мы победим?!

На тарелке несколько тонких ломтиков черного хлеба, три небольшие вареные картофелины из тех, что остались после посадки. Без нового урожая — беда, потому почти всю картошку высадили.

— Папа скоро приедет?

— Наверное, нескоро. Когда война закончится, он будет всех солдат домой по стране развозить.

— Конечно, он же машинист на огромном локомотиве.

В незапертую дверь, поклонившись на иконы, зашел председатель сельского совета.

— Мир дому сему!

— С миром принимаем. Пожалуйте за стол.

— От чая не откажусь. Сводки с фронта слышали? Теперь точно Гитлеру капут придет!

— Скорей бы... Боевые раны затягиваются?

— Затягиваются. Бог даст, к победе без костылей буду бегать.

София Васильевна, еще раз выручай. Прими постояльцев! На два дня всего. Дед да баба. Они с эвакуации домой в Москву добираются.

— Пусть живут Христа ради!

— Вот такие женщины и выковали наши победы, всегда: Христа ради! Я всю жизнь буду помнить тот день за год до войны. Если бы не вы, София Васильевна, меня точно расстреляли бы. Надо же было задремать да кошелек выронить.

— Да что уж, — София скромно опустила глаза, — любой на моем месте поступил бы так же.

— Может, и любой. Такие уж русские — божии люди. Галочка, твоя мама — лучшая в мире женщина! — председатель погладил Галю по голове. — Твоя мама нашла кошелек с огромной суммой денег. Это были деньги, собранные сельчанами на семенное зерно. Я потерял их, когда ехал на телеге в город, да задремал. Спихватился уже в городе. В сороковом году за такое могли на каторгу сослать. Вроде, слишком верующим я не был. Но в ужасе стал молиться Богу и на всем скаку помчал назад. Встретил твою матушку да чуть ли не взмолился: «София, ты не видела бумажник?» — «Вот, пожалуйста, — запросто ответила она. — На дороге нашла». Знали б вы, что я тогда испытал! Я был спасен!

Председатель поставил на стол пустую кружку, перекрестился и поклонился на иконы. Уходя, он погладил Галю по голове и сказал:

— Твоя матушка святая, слушай ее во всем.

«Мама, ты вправду святая?» — хотела спросить Галя, но не решилась.

Через час-другой послышались голоса, кто-то без стука отворил дверь.

— Вы София? — спросила маленькая седая старушка.

— Мы из эвакуации... Принимаете? — дед лет семидесяти представился: — Мое имя Ревком! — и торжествующе посмотрел на Софию.

— Как же вас в крещении величать-то?

— Неважно! Новое время — новые имена. Я сам попросил сменить мне имя. У меня самое революционное имя — Ревком!

София покачала головой, но промолчала.

— Сколько тебе лет, стрекоза? — спросил дед Ревком Галя.

— Пять лет.

Больше в этот день Галя не услышала от него ни слова. Только обрывок разговора:

— Лучше бы немцы захватили Советский Союз, пускай бы немецкий порядок навели.

— Пр-р-отивный! Не нужен нам фашистский порядок с войной и концлагерями! — сказала Галя и сжала кулачки.

— Немцы — самые порядочные и аккуратные люди в мире, — дед Ревком торжествующе улыбался.

— Они фашисты и убийцы! — закричала Галочка.

— Господи, помилуй, — только и сказала София.

Дед Ревком сидел за столом и лопал последнюю картошку с хлебом.

— Фашист, — тихо сказала Галя и выбежала на улицу.

— Не слушай его, добрая хозяйка, — сказала старушка. — Федя он, любит по привычке строжиться. Начальником раньше был. Вот и сочиняет небылицы. Говорят, в Москве немцы много домов разбомбили. У нас самый окраинный район. Бог даст, не долетели нас бомбить.

Солнечный день был особенно солнечным благодаря сводкам с фронтов о том, как Красная Армия отвоевывает у фашистов город за городом. Все говорили, что скоро будет наша победа.

Галя бежала по улице, прижимая к груди большую тряпичную куклу.

Возле дороги стояла шестилетняя подружка Ниночка и горько плакала. Галя остановилась возле подружки:

— Ниночка, ты почему плачешь?

— Меня старший брат нашлепал и в угол поставил.

— А мой брат ни разу меня не обидел.

— Счастливая... А где твой брат?

— Он закончил ремесленное училище, вот-вот приедет. Я так рада!

— Быстрее бы мой папка с войны вернулся. Он всегда защищал меня. Галочка, твой папа тоже на войне?

— Да, он машинист локомотива. Возит на фронт солдат, орудия и танки — фашистов громить! За раз везет огромные составы по сто пятьдесят вагонов с пушками и танками!

— К вам гости приехали? Родственники?

— Нет, просто люди. Они были в э-ва-куации. Теперь возвращаются домой в Москву. Несколько дней будут жить, — Галя хотела добавить «фашисты», но промолчала: уж такой жалкий вид был у бабушки.

— Какой холодный ветер...

— Пойдем к нам греться. В маминой комнате солнышко в окно заглянуло и играет на мамином покрывале. Мама сама вышила на нем красные цветы!

Девочки забежали в дом и хотели пробежать в комнату, где солнышко играет на расшитом цветами покрывале. Но мама остановила девочек.

— Доченька, не заходи, пожалуйста, в комнату.

— Почему я не могу зайти в нашу комнату?

— Там живут дедушка и бабушка.

— Они там не живут! Это наша комната!

— Понимаешь, сейчас война. Может быть, у них даже дома-то теперь нет. Не беспокойся, доченька, они завтра уедут.

Галя хотела обидеться на маму и больше с ней не разговаривать. Но мама так ласково обняла ее, что девочка расцеловала любимую мамулю.

— Прости, мамочка! Просто не люблю их! Противные, даже слова не скажут! И имя совсем нерусское у дедушки — Ревком!

— Галочка, сейчас всем людям тяжело живется. Кто знает, что они пережили в своей жизни.

Ниночка вытерла слезы.

— Галочка, пойдем на улицу.

— Доченька, ты, конечно, кушать хочешь... Хлеба на сегодня уже нет, картошка вся высажена. Теперь до нового урожая

не увидим картошечки. Но не горюй. У нас остатков крупы и муки на три дня на всех хватит. Сейчас обед приготовлю.

— Ниночка, представляешь, у нас такой праздник, такая радость. Я самая счастливая на свете. Мой брат Виталий сегодня придет. Я очень люблю моего брата. Он никогда в жизни не обидел меня. Смотри, какую куклу он мне сшил, — Галя показала на сидящую тряпичную куклу в белом с разноцветной вышивкой платье.

— Какая милая! — Ниночка подхватила куклу и обняла ее.

В окно все увидели человека с огромным чемоданом.

— Сыночек! Родной! — София всплеснула руками и побежала встречать сына.

Калитка отворилась. В ограду зашел молодой человек в зеленом комбинезоне.

— Виталик! Братик, родненький! — Галя, раскинув ручонки, подбежала к брату и крепко-крепко обхватила его.

— Здравствуйте, мои родные! Поздравляйте, я окончил ремесленное училище. Теперь никуда от вас не уеду.

Виталий подхватил сестренку.

— А теперь гостинцы! — Виталий раскрыл чемодан. Не считая сменной одежды, чемодан был заполнен пряниками и запашистыми румяными баранками.

София переложила одежду из чемодана в сундук, а баранки сверху, оставив горсть леденцов и пять баранок для Гали и Нины.

Галочка с наслаждением откусила:

— Никогда не ела такой вкуснятины! Спасибо, братик!

— Ты, наверное, всю зарплату потратил на баранки, — София аккуратно отломилась маленький кусочек и положила в рот. — Очень кстати, а то у нас даже хлеба на сегодня не осталось.

Галочка держала брата за руку — боялась: вдруг он захочет пойти к друзьям-одноклассникам.

— Не бойся, Галочка! Я всегда буду с вами. Я теперь токарь-слесарь. Работы будет много, а в выходные будем на рыбалку да за грибами все вместе ходить. Однако, огород вспахать успели!

— Мы даже картошку посадили! Только на еду не осталось.

— Не беда! Лето будет жаркое. Картошка нарастет на славу! Скоро всходы появятся?

— На днях картошку высадили, но ростки были большие. Хорошо любоваться ухоженным огородом, когда дружная семья в сборе.

— На этой грядке морковку посадили. Вот свекла, репа, — София указала на ровные грядки. — А здесь лук, чеснок. Не пропадем!

Когда посмотрели огород, Галя повернулась к маме:

— Мамочка, пойдём пить чай! С баранками!

Все вернулись к дому и стали со смехом умываться, поливая из ковша друг другу на руки.

София открыла сундук и ахнула!

— Там ничего нет, ни одной баранки, ни одного батона. Там нет ничего, кроме белья.

— Это дед-фашист украл! — Галя заплакала. — Я видела: он в дом заходил, когда мы в огороде были.

— Может, почудилось, что я в сундук баранки убрала. Возможно, в кухонном шкафу?

— Пусто — нет баранок.

Виталий открыл стоявший в смежной комнате сундук и приподнял белье. Под бельем лежали баранки и леденцы.

— Так вот же они! Как сразу не догадались в этот сундук заглянуть?

— Это не наш сундук, — София недоуменно заглянула в сундук. — Это сундук постояльцев. Я не могла в чужой сундук убрать. Тем более вещи явно чужие.

— Ах, воры! — едва сдержался Виталий.

София аккуратно поправила дедовы вещи и захлопнула сундук.

— Мама, давай снова переложим в наш сундучок, — Галя гневно смотрела на сундук постояльцев.

София встала, задумалась.

— Нет, мы ничего не будем из чужого сундука брать.

— Это наше! Наше! Они воры! Воры! — Галя едва не плакала.

— Они очень старые и бедные. У них никогда этого не будет. Потому что они старенькие и скоро умрут. А у нас все впереди. Бог нам пошлет еще. А у них не возьмем. Ни одной.

— Хоть одну! Мамочка! Хоть одну!

— Даже одной не возьмем.

Галя рыдала. У нее была истерика. Она не могла понять:

— Ну почему даже ни одной баранки? Это же наше!

— Доченька, ты после сама все поймешь.

Однако Галя продолжала весь день обижаться на маму и плакать:

— Но почему? Это же наше, наше! — повторяла она, вытирая слезы.

На следующий день на телеге, запряженной белой кобылой, за постояльцами приехал председатель сельсовета и повез их на вокзал. София еще надеялась, что дед раскается и вернет баранки. Но тот был как-то преувеличенно сердит, даже никого не поблагодарил и не попрощался.

Через три часа возле дома снова остановилась телега.

Виталий выглянул в окно и сказал:

— Председатель приехал.

Председатель постучал в незапертую дверь.

— Принимай, хозяйюшка, — он четко по-военному зашел в дом. — Однако как сын вырос! Возмужал, Виталий Павлович! А ведь я помню тебя совсем мальцом! София, накрывай стол, — председатель подал Софии огромный сверток с баранками.

Уже за столом, уставленном блюдами с баранками, председатель ответил на изумленный взгляд хозяйки:

— Повез я твоих постояльцев на вокзал. А у деда-то слезы из глаз как хлынут. Согрешил я, говорит. Верни доброй хозяйке этот сверток. Грешен я, попутал меня нечистый. Пусть София помолится за меня — грешного Федора... Разбойника... А его бабуська-то добавила: «благоразумнаго». А тебе, София Васильевна, от бабульки в подарок икона: Вера, Надежда, Любовь и мать их София.

— Слава Тебе, Господи! — София поцеловала икону и смахнула слезу.

— Вот такие женщины, как ты, София, выковали нашу победу! С такими людьми никакому глупому Гитлеру нас не победить!

— Не преувеличивай. Победа — народная.

— И все же ты — победительница!

Горный Алтай, село Майма. 9 мая 2018 года. Праздновали День Победы. После литургии и панихиды прихожане Свято-Духовской церкви сидели в трапезной за праздничным столом.

Отец Георгий сказал:

— Все было против нас. Превосходящие силы фашистов, их техническое превосходство. Почти вся Европа работала на фашистскую Германию. Знаете, почему мы победили?

— Знаем! Победу делают не танки, не самолеты, — сказала Галина Павловна Ковалева.

— Верно, — кивнул протоиерей Георгий Балакин, историк по образованию. — И даже не командиры, хотя от таланта маршала Жукова и мощи «катюши» зависело многое. Но не все! Есть главное!

— В войну мы жили в поселке Овсяновская Дорога Тамбовской области. Село — одна улица, — начала рассказ Галина Павловна. — Мне было пять лет, когда заканчивалась война. Мама моя, София Васильевна Драгунова, была добрейшей души человек. Она никогда ничего не взяла с работы. Если находила чужую вещь, всегда ходила по деревне и спрашивала: «Чье это? Кто потерял?» Незадолго до победы нас попросили принять постояльцев; они добирались из эвакуации в Москву...

Когда Галина Павловна закончила рассказ об украденных баранках и трагедии пятилетней девочки, кто-то из присутствующих спросил:

— А что те воры, дед да баба?

— А что? Так и забрали сундук с баранками. Мама им еще хлеба в дорогу положила. Сейчас нет таких удивительных людей. Другая бы запросто выставила их за дверь. Но, видно, матушка разбудила их совесть. Они все вернули!

— А где сейчас брат?

— Живет в Тольятти. Недавно приезжал в Горный Алтай. Я спросила его: «Помнишь, как ты привез чемодан с баранками?» — «Как не помнить! Как великодушно поступила мама с ворами. Именно она лучше всех понимала, что великодушие и всепрощение — главная победа человека!»

Галина Павловна перекрестилась и поклонилась иконе Спасителя.

Большая ваза на столе была заполнена баранками. Подали чай. Каждый из присутствующих взял из вазы баранку и аккуратно откусил.

Галина Павловна благоговейно, как драгоценность, держала баранку.

— Сейчас этого добра в каждом доме хватает. Но я никогда не забуду тот изумительный вкус. Какой огромной ценностью были эти баранки тогда. И когда постояльцы их украли, для меня, пятилетней девчонки, это казалось невыносимой трагедией. Как я плакала, как обижалась на маму, что она не отобрала у них НАШИ баранки! Лишь годы спустя я поняла, насколько мудро и правильно поступила мама. На всю жизнь осталось ощущение величайшей святости.

Отец Георгий сказал:

— Такие победы — самые важные и ценные в нашей жизни. Потому ваша мама София — победительница! Поэтому наш народ — победитель!